

Мы предлагаем вниманию читателей очередной краеведческий очерк Валентины Рекуновой – постоянного автора нашей газеты. Иркутская старина давно стала для нее предметом журналистского интереса. Ее публикации дают возможность всмотреться вглубь веков, узнать интересные факты иркутских хроник, познакомиться с биографиями земляков, память о которых хранит история Иркутска. Вот и на этот раз читатели ждут любопытные сведения, наталкивающие на размышления и сравнения с днем сегодняшним. Темой новой публикации – возникновение традиций благотворительности, чем выгодно отличался Иркутск от многих других сибирских городов.

3 ноября 1886 года в Иркутском театре была устроена лотерея, главный приз – лошадь ценой в 60 рублей. Часть гостей разъехалась, не дождавшись конца, и выигрышный билет остался в барабане. Антрепренер Малевский, устраивавший лотерею, не колеблясь, передал 60 рублей для иркутян – студентов университетов.

А не обложить ли нам взятки налогом?

Издававшаяся в Иркутске газета «Сибирь» на полном серьезе предлагала жертвовать на учащихся и с каждой карточной партии, и со... взяткой. Призыв был услышан, и в том же 1885 году иркутский полицейский передал в контору «Сибири» 50 рублей, «оставленных у меня на квартире «неизвестно с какою целью». В мае 1886-го взятку в 189 рублей передал помощник исправника Иркутского округа Коханский – и опять-таки все восприняли это как должное.

В самом Иркутске и училища, и гимназии, и сиропитательный дом, и детский сад зародились как бы сами по себе. Столичный Петербург лишь давал им статус, спускал программы и обязывал отчитываться. И если, скажем, голова Сукачев высказывался за открытие нового училища, все понимали, что большую часть расходов он берет на себя. За три года членства в попечительском совете технического училища иркутский предприниматель Трапезников потратил на его содержание очень крупную по тем временам сумму в 50 тысяч рублей. И не сказать ведь, чтоб это кого-то умиляло, – такова была атмосфера всеобщего преклонения перед образованием.

Очень показательна в этом смысле история открытия Иркутского детского сада. В конце 1868 года главный инспектор училищ Восточной Сибири Р.К. Маак вошел с докладом к генерал-губернатору Восточной Сибири. Начал он с бесспорного утверждения, что большинство иркутян не может нанять своим детям гувернеров и учителей. Генерал-губернатор сделал жест, который можно было бы оценить и как жест одобрения – и инспектор тотчас довел мысль до логического конца:

– Следовательно, мы имеем настоятельную необходимость открытия в Иркутске детского сада.

Губернатор задумался об отсутствии средств, но Маак доложил, что есть уже первые пожертвования.

– Что же до помещения, то извольте доложить Вам, Ваше Высочество, что здание Главного управления Восточной Сибири... Если же изволите поинтересоваться «Положением», то оно вот-с, готово.

И губернатору ничего не осталось, как изволить утвердить «Положение» – «в виде ордера». И опыт, надо сказать, удался: 4 марта следующего, 1869 года Иркутский детский сад был открыт. Сначала записали 20 детей, а уже в июне их насчитывалось вдвое больше. Заведовать детским садом поручили... г-ну Мааку, ибо уже и в те времена инициатива была на казну.

Сам Маак был в постоянных разъездах, так что детским садом пришлось заняться его супруге. И у нее получилось; большая часть педагогов взялась работать бесплатно, а в попечители выбран был купец 1-й гильдии А. Белоголовый, и он сразу же принялся за ремонт. К Рождеству многочисленные благотворители дали денег на еду и одежду для бедных детей. Последнее было очень кстати: почти половина детей была из мещанских и солдатских семей.

Феномен Пономарёва

По возможности местная власть и сама хлопотала, открывая, к примеру, городское училище, но при этом у нее был надежный тыл – частный капитал. И меценаты не просто выдавали необходимые суммы, а вникали в детали, от формы окон до условий приема.

В XIX веке путешественники, проезжавшие через Иркутск, неизменно

Василий Николаевич Баснин

отмечали феномен – прекрасно выстроенные, замечательно обеспеченные заведения, прежде всего, учебно-воспитательные. И эта картина была столь отлична от других городов Сибири, что два француза (один – мэр, а другой – депутат) специально задержались в Иркутске, чтобы дознаться, в чем тут секрет, но так и отбыли ни с чем. Объяснение, что в Иркутске принято оставлять нажитое городу, показалось им слишком простым.

Между тем, действительно, был такой период, когда миллионные наследства завещались городскому обществу. Благотворительность не возводилась в заслугу, а была неотъемлемой составляющей статуса, воспринималась как норма, и планка ее была весьма высока, поднимаясь порою и до совершенного альтруизма.

...Летом 1885 года в Малыгинском переулке Знаменского предместья Иркутска сдавалась квартира. Хозяйка, Мария Пономарева снимала дачу неподалеку, на берегу Ушаковки, и жила там вместе с детьми, а приезды мужа, кажется, не ждала. Полгода спустя на Мелочном базаре начала она распродажу байхового чая, «разных фамилий и веса». А также и разных китайских вещей.

– Очень милые. И недорого совсем, – приятно удивлялись обыватели и гости иркутян.

– Так ведь по ликвидации деп: хозяин-то уж три года как умер...

Предприниматель Павел Андреевич Пономарёв завещал всё нажитое в буквальном смысле на пользу человечества.

«Мысль моя и желание, чтобы состояние свое, нажитое мною лично, честно, усидчивым трудом и энергией, употребить единственно лишь на пользу человечества, науки и искусства, но не оставлять в полную собственность детям, жене и другим родственникам».

Завещание не составлялось – оно воодушевлялось, как философский трактат, как поэма, странным образом

В погоне за гармонией

испещренная цифрами. Надо ли удивляться, что рядом не стояли юристы – они были бы лишними в этот вечер (да, я думаю, вечер) 27 ноября 1877 года, когда коммерсант, достигший возраста Христа, обозревал прожитое, подходя к главному своему решению. Не забыта была ни стипендия в университете для способнейших из воспитанников Иркутской гимназии, ни строительство технологического института с производственной и научной базой, ни организация банка для содержания института.

Матери, сестре и жене также выделен был капитал – в пожизненное пользование. Однако распорядиться им по своему усмотрению они не могли, а волны были только употреблять проценты от капитала. После смерти наследников капитал должен был перейти в собственность министерства народного просвещения для устройства народных школ в Иркутске и округе.

Детям также положены были проценты от капитала, но не пожизненно, а только до достижения каждым 22 лет. Дальше они должны были зарабатывать сами. И это последнее обстоятельство удивительно было даже по тем временам.

Вдова Павла Андреевича благополучно вышла замуж, а вот дети (дочь и сын) унаследовали болезненность отца, и

в самостоятельной жизни им оказалось непросто. Тем не менее, городская дума взяла «меры к охранению капиталов и имущества согласно воле завещателя», преуспела в этом и ни разу не усомнилась в своей правоте. Завещание Павла Андреевича Пономарева, иркутского 1-й гильдии купца, российского вице-консула в торговом центре Ханькоу, было зачитано в заседании Иркутской думы 23 мая 1885 года. Тогда же было и решено «взять меры к охранению капиталов и имущества от наследников завещателя». Тут нелишне заметить, что господам гласным, в большинстве своём очень богатым людям, и самим предстояло через сколько-то лет распорядиться собственным капиталом. Разумеется, каждый, вольно или невольно, примерял ситуацию на себя – и все же решение единогласно было принято в пользу просвещения.

«Университетскость» как символ благоденствия

Эта максималистская иркутская мерка особенно ярко проявилась в восьмидесятые годы XIX века, когда завещать капиталы на школы, стипендии было просто хорошим тоном для состоятельных иркутян, и сто тысяч, оставленных бездумными миллионерам, воспринимались как оскорбление и повод не возложить венка на могилу.

Миллионы, оставляемые купцами-первогильдейцами городу, прорастали и больницами, и приютами, но вложения в образование по какому-то из неписанных правил полагались первоостепенными – ибо с ними связывались последующие улучшения во всех областях жизни. И весьма образованные корреспонденты «Сибири», и купчишки с домашним образованием одинаково верили, что в непростоватости причина и многочисленных преступлений, и пьянства, и даже русской надежды на авось.

В конце 1876 года фельетонист петербургской газеты «Голос» позаволбил себе назвать иркутское техническое училище «злосчастным» и в «Иркутских Губернских Вестниках» немедленно напечатали опровержение, под которым подписались представители всех иркутских сословий. В одном списке оказались и крестьянин Дубровкин, и генерал-майор Языков, и барон Розен. «Иркутское техническое училище, – заявили они, – составляет нашу гордость, потому что оно поддерживается-ведется не средствами от казны, а нашими пожертвованиями, и ведется отлично».

Любой максимализм «выскакивает» из зажатости, ущемленности – и иркутский просветительский максимализм вырос из ощущения «недообразованности». Родившийся в 1849 году Александр Михайлович Сибиряков получил уже образование в Цюрихе, его сверстник Владимир Платонович Сукачев окончил Петербургский и Киевский университеты, но ник иркутского меценатства пришёлся на пору персон с очень средним образованием. Известный иркутский купец Василий Николаевич Баснин в 1846 году писал о себе: «Учился кое-как до двенадцатилетнего возраста, а с того времени пустился в коммерческие походы... Знаю только отечественный язык, и то, вероятно, плохо».

В самом деле: ещё в середине восьмидесятых годов в иркутской публичной библиотеке абонировалось не более трёх десятков иркутянок, главным образом из чиновничьих и купеческих семей, и даже в начале двадцатого века разновозрастные иркутяне учились читать и писать в воскресных школах. Павел Андреевич Пономарёв всю взрослую жизнь восполнял пробелы в образовании. Занимаясь поставкой

ущербности и естественно-просветительского стремления послужить просвещению собственным капиталом. Иван Степанович Хаминов незадолго до смерти скупил целый квартал под учебно-библиотечный комплекс, Павел Андреевич Пономарёв аккумулировал средства для технологического института с производственной базой и собственным банком на содержание.

Для Хаминовых, Пономарёвых, Медведниковых их капитальные вложения в образование были попыткой достичь гармонии с окружающим миром. «Университетскость» была для них не суммой знаний, а той дверью, за которой начинается совсем уж другая жизнь. В этом сублимированном восприятии они сами могут, того не ведая, сплестись в восприятии Канта, Гегеля, Гумбольдта. И с какою любовью те выстраивали свои мысли словесными конструкциями, с такою и эти возводи здания гимназий, училищ, поддерживали их достойное существование.

Это было запоздавший гром просветительства, долго шедший, да сильно грянувший. Молнии, сверкавшие когда-то в Европе, и над Иркутском разразилась короткой, но очень яркой вспышкой.

Всеобщая, «университетскость» стала символом всеобщего же благоденствия, утопии, во имя которой естественно были и жертвоприношения – не случайно и завещания в обход интересов общества возведено в норму. Не случайно и то, что само

Иван Степанович Хаминов

слово «общество» стало самым употребленным в Иркутске второй половины XIX столетия.

В масштабе отдельной человеческой жизни это достаточно долгий период, позволявший прожить счастливо. Это был своего рода пожар в умах и сердцах, от которого и сгорели разом крупные меценаты-купцы – в 1883-м умер Павел Андреевич Пономарёв, в 1884-м вдруг, в одночасье, скончался Иван Степанович Хаминов.

Мечта стала явью, но рай не наступило

В первый день Пасхи 1884 года (а пришелся он на 8 апреля) иркутских купцов-гильдейцев стало на одно меньше – город поразила весть о скоростной кончине Ивана Степановича Хаминова. Отпели его в Ка-

Елизавета Медведникова

федральном Соборе, похоронили на паперти Харлампиевской церкви – по настоянию прихожан. Факт похорон в таком исключительном месте удивителен, ведь Хаминов не принадлежал к высшим чинам духовенства. Более того, был он далеко не безгрешен – по подсчетам журналистов «Восточного обозрения» 26 раз стоял под судом. То ли законодательство было слишком узко, то ли Хаминов толковал его слишком широко... Только вот городское общество предположило судить о нем по делам. И в траурную процессию встала вся губернская и городская власть; все духовенство с двумя архиереями во главе и многими-многими прихожанами; наконец, весь учащийся Иркутск: мужская классическая гимназия, женская гимназия и прогимназия, Сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой, городское училище имени Александра-III... Каждый учащийся принес по цветку, и скончавшийся был усыпан цветами.

Правда, «передовая общественность» той поры (журналисты-народники из «Сибири» и «Восточного обозрения») таких, как Хаминов, не жаловали. А писали о них: «разные кабатчики, лавочники, ростовщики, они же и «благотворители»» – так это называлось тогда у самой «передовой общественности». «Будь я богат как Х, завел бы себе несколько училищ, – рассуждал один из авторов «Восточного обозрения», в 1884-м вдруг, в одночасье, скончался Иван Степанович Хаминов. Отпели его в Ка-

Далее последовала целая череда отъездов из Иркутска покровителей образования. Но их деяния осеяемы и сейчас, в тех материальных памятниках, что исправно служат иркутским учебным заведениям (и не только им). Число иркутян с университетским образованием, которое есть сейчас, было просто непожилимо во времена Пономарёва и Хаминова. Но мечта стала явью, а рай, которого ждали тогда, так и не наступило... Более того, самая идея образования как средства достижения гармонии с миром закатана под асфальт – как могила Хаминова у Харлампиевской церкви и могила Пономарёва на бывшей Якутской улице (как раз наискосок от одного из его училищ).

Увы, в этом нет ничего удивительного: ещё в 1887 году газета «Сибирь» констатировала: «Крестьянин Киренского уезда, обученный на крестьянские деньги писарем, над этими же крестьянами и читит произвол». Одно утешает: и Иван Степанович, и Павел Андреевич давно уже вместе с Гегелем, Кантом и Гумбольдтом.

Валентина Рекунова

В шестидесятые годы XIX столетия иркутские девочки могли обучаться в пансионе г-жи Ришье, например, или в женском училище; еще было духовное училище, была Хаминовская гимназия, Девичий Институт, Сиропитательный Дом Елизаветы Медведниковой... Позже открылся Иркутский детский сад, хаминовская прогимназия, заведение г-жи Шаршавиной с уроками музыки, французского и немецкого языка; в усадьбе Сукачевых заработала бесплатная школа для девочек.

В Иркутское женское училище принимали девочек любых званий и состояний, умеющих читать и писать и не умеющих вовсе. Те, кто опоздал к началу занятий, принимались в течение всего года. Плата за обучение бралась в три приема, бедным семьям разрешалось платить меньше либо вовсе не платить. То есть при большом, настоящем желании можно было стать образованной. И даже отлучиться: в училище имелись три стипендии И.С. Хаминова.

В Девичьем Институте Восточной Сибири проводились музыкальные вечера и спектакли в пользу «недостаточных», как тогда говорили, воспитанниц, оканчивающих курс. И суммы выручались немалые – жертвовали не скупясь, потому что знали: у барышень полное неизвестности будущее. А в отчетах Банка Сиропитательного Дома Елизаветы Медведниковой была такая, к примеру, статья, как «Неприкосновенный рукодельный капитал». Потому что были так называемые «рукодельные деньги». Каждая воспитанница знала, что в октябре открывается выставка-продажа лучших рукодельных работ, а вырученные деньги кладутся в банк. То есть дело ставилось так, чтобы девочки не просто обучались рукоделию, но и чувствовали отдачу от него, понимали: она будет тем больше, чем качественней и интересней работа.

И воспитанницы старались, изумляя вязаными башмачками, фасонами платьев, воротничков, вышивкой на платках и рубашках... В 1863 году неприкосновенный рукодельный

капитал пяти воспитанниц (Копчевской, Кюхельбекер, Баграевой, Бечасной и Ябуровой) составлял 689 руб. 32 с половиной копейки. А к концу 1864 года он, заработав проценты, увеличился до 818 руб. 55 ¾ коп. (и три четверти копейки важны, потому как и деньги тогда были дороги). Заработать можно было и отличной учебой, и отличным же поведением – именные посетители отмечали воспитанниц пожертвованиями. Эти деньги, опять-таки, помещались в банк, и на них шли проценты.

В Иркутске спорили, какое образование нужней – классическое или реальное. Но по большому-то счету ценилось и то, и другое. В 1875 году несколькими выпускниками технического училища предложили работу на приисках, трое стали студентами столичных вузов, один начал карьеру в родном училище. А вчерашний гимназист Василий Карсаков взял место в Иркутском Приказе общественного призрения. Во второй половине восьмидесятых годов газета «Сибирь», рисуя сложную ситуацию на

иркутском рынке труда, неслучайно писала: «Даже выпускники технического училища не могут найти работу».

Поступающие в училище по уровню подготовки должны были соответствовать второму классу гимназии. Им надо было выдержать экзамен не только по русскому языку, арифметике и Закону Божию, но также и по немецкому, и французскому языкам. Тут же, при училище, не знающие языков могли восполнить пробел, но сдать успешно вступительные экзамены и надеть заветную форму еще не значило удержаться в училище. Требования были высокие, порядки строгие: за один лишь 1875-й учебный год из 180 учащихся более 20 исключили. Имев в виду и недостаточно высокие знания, и недостаточно достойное поведение.

В Иркутское техническое училище принимались лица всех сословий и вероисповеданий. В подготовительный класс принимали в 9-10 лет, в первый класс – в 10-13 лет. Плата за обучение в четырех младших классах (вклю-

чая подготовительный) составляла 10 рублей в год, а в трех старших классах – 20 рублей. Плата за обучение в иркутской гимназии составляла 20 рублей для подготовительного класса и 30 рублей – для всех остальных. Пансионеры платили по 180 рублей годовых плюс 52 рубля на первоначальное оборудование.

Иркутская классическая гимназия, возникнув в далеком 1805 году, начала, кроме прочего, возвращение «своих чиновников», которые не уедут как пришельцы, отработав контракт, приняв чин и «Анну» на шею. М.М. Сперанский неслучайно отозвался о нашей гимназии как о лучшей в России. И он был не далек от истины. Может, где-нибудь в европейской России были ярче лекторы и роскошнее классы, но зато из Иркутской мужской классической выходили патриоты Сибиряковы, Трапезниковы, Сукачевы... Получив университетское образование, они сполна возвращали полученное, открывая приюты, больницы и, конечно, учебные заведения.